

УДК 398.224(47):930(045)

*С.В. Козловский***АЛЕША ПОПОВИЧ И ЕГО ВРЕМЯ:
ИСТОРИОГРАФИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ ОБРАЗА ЭПИЧЕСКОГО ГЕРОЯ**

Былинные сюжеты с участием Алеши Поповича относятся к числу самых распространенных в русском эпосе, наряду с сюжетами о Добрыне и об Илье Муромце. Историография изучения образа Алеши Поповича выявила многослойность. Под одним именем в героическом эпосе выступало несколько лиц с разными амплуа: «обманщик», «обольститель», «богатырь». Помимо былин, об этом герое или его предполагаемых прототипах, есть упоминания в летописях, что заставляет относиться к эпическим материалам с его участием как важному дополнительному источнику по социальной практике соответствующего периода. В украинских думах есть персонаж с похожим именем, связь которого с былинами не вполне очевидна. Однако остается вопрос о том, как отделить их так, чтобы не смешивать разновременную социальную практику. Перспективам решения данного вопроса и посвящена данная статья.

Ключевые слова: Древняя Русь, былины, думы, историография, социальная практика.

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-1-99-106

Былинный образ Алеши Поповича является одним из самых хорошо изученных в отечественной историографии. Как отмечал К. С. Аксаков, «лицо Алеши Поповича очерчено очень явственно, очень живо и полно; очень верно сохранена характеристика дерзкого и ловкого обманщика, но вовсе не храброго воина, бабьего пересмешника и вместе готового на всякое худое дело» [1, с. 22]. А. Н. Афанасьев связывал предание об Алеше Поповиче с мифом о борьбе со змеем, который олицетворяет тучу: «Пролитая змеем и пожираемая землею кровь есть метафора дождя, который струится обильными потоками из тучи, разбитой ударами громовника, и наводняет поля и равнины. [2, с. 519]» Ф. И. Буслаев полагал, что «характер Алеши Поповича указывает на столкновение частных интересов с церковными» [3, с. 204]. По его мнению, особую важность Алеше Поповичу придает его «местное» происхождение (из Ростова). Л. Н. Майков, одним из первых указал на наличие исторических прототипов былинного Алеши Поповича, представив упоминания об Александре Поповиче из летописей, но заявил о невозможности их отождествления, ограничиваясь скрупулезным описанием имеющихся сюжетов. В. В. Стасов считал сюжеты с участием Алеши Поповича бродячими, переходящими из эпоса в эпос. О. Ф. Миллер полагал Алешу Поповича мифическим существом, относя его к числу змеборцев по тем же основаниям, что и А. Н. Афанасьев.

М. Г. Халанский, Н. П. Дашкевич, И. Н. Жданов исследовали образ Алеши Поповича в связи с летописными известиями. М. Г. Халанский относил образ Алеши Поповича (во всех его вариациях) к богатырям «дотатарского» периода, считая наиболее достоверным указание ПСРЛ на гибель Алеши и 70 богатырей в побоище при Калке. Он категорически против мнения Н. Д. Квашнина-Самарина, полагавшего Алешу Поповича южнорусским героем [20, с. 68]. По мнению Н. П. Дашкевича, существует два образа Алеши: летописный и былинный, реальный и комически переработанный. Для былинного Алеши Поповича, как прекрасно показал И. Н. Жданов, более характерен второй вариант, т. е. образ подлеца-насмешника [7, с. 58].

В советское время Д. С. Лихачев подробно проанализировал исторические известия, связанные с именем Алеши Поповича и Александра Поповича, и заявил о том, что источник летописных данных об Александре Поповиче – Владимирский Полихрон, откуда, по его мнению, сведения «ушли» в остальные летописи приблизительно в конце первой четверти XV в.: «Это объясняет нам, с другой стороны, и самый факт включения во Владимирский Полихрон Фотия начала XV в. известия о гибели на Калке Александра Поповича и его 70 "храбрых". В известии Владимирского полихрона Фотия (1418 или 1423 г.) смерти Александра Поповича и "инех" 70 "храбрых" можно видеть древнейшее отражение в средневековой письменности эпического сюжета о гибели богатырей. Былины эти, таким образом, не "завершают собою" круг южнорусских былин, а начинают их. Это один из древнейших эпических сюжетов, рисующих объединение богатырей (объединение, правда, перед лицом смерти, гибели за общерусское дело)» [9, с. 48]. «Анализ исторического развития сюжетов об Александре Поповиче, поскольку оно отразилось в летописи, заставляет говорить об обратном: не о нис-

падающей линии развития эпоса, но о восходящей» [9, с. 49]. Безусловно, вхождение эпических известий в летописи – явление из ряда вон выдающееся, поскольку они (летописи и былины) развивались параллельно, и мы можем видеть их в том случае, когда летописцам приходилось «восстанавливать» память о событиях по показаниям «устной истории», нельзя исключать и наслоение легенд, число погибших богатырей, возможно, восходит к количеству погибших с князьями киевских бояр, однако в такой ситуации вряд ли можно вести речь о «восходящем или нисходящем» развитии эпоса. Точка зрения Д. С. Лихачева в отношении былин часто основана на логике, интуиции и догадках, которые, увы, исторических фактов не заменяют: «Естественно думать, что Александр Попович, как местный герой, предшествует Александру Поповичу, как герою общерусскому. Подобно тому как исторические областнические тенденции предшествовали тенденции объединительным, – и в эпосе местные предания иногда предшествовали преданиям общерусским» [9, с. 47]. На этом фоне имелись попытки обобщения существующих данных [4].

Традиционные вопросы историографии русского эпоса: кто был историческим прообразом эпического героя и когда появилась былина с тем или иным сюжетом, так или иначе, зашли в тупик в ходе дискуссии между сторонниками взглядов В. Я. Проппа и Б. А. Рыбакова. Слишком много вариантов, которые слабо согласуются между собой, поскольку сразу несколько вполне исторических личностей носили имена Алексей, Александр и были при этом «поповичами», что в целом не отменяет исторической канвы сюжетов, т. е. исторической достоверности, пусть и обобщенной в былинах социальной практики. Из общего числа трудов «за» и «против» указанных концепций, выделяются работы [13, с. 169–175] И. Я. Фроянова, которого интересовал, прежде всего, социально-политический аспект былинных образов, что позволяло несколько иначе взглянуть на сами эпические материалы как исторический источник: «Гораздо более правильной представляется точка зрения на былины как на явление фольклора, отражающее самые общие процессы социальной и политической жизни, а на былинных героев как на совмещающих в себе разные хронологические пласты. Но нет никаких оснований относить былины к некоему эпическому периоду ранее эпохи Киевской Руси. Как установлено в последнее время (И. Я. Фроянов, Ю. И. Юдин), былины достаточно адекватно отражают демократический строй Киевской Руси. Наиболее известным является героический былинный цикл, в котором воспеваются народные герои, защитники Руси – Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович и др.» [8, с. 20]. «Все это говорит о существовании у Словен в глубокой древности культа вождей, или князей, в чем нельзя не видеть еще одно подтверждение исконности в словенском обществе княжеской власти. Но данный культ был порождением родовой эпохи, переживавшей со второй половины X в. кризис. Поэтому он уходил в прошлое. Невольно напрашиваются сопоставления с былинным эпосом. В былине о Добрыне и Змее, как и в некоторых других («Илья Муромец и Соловей-разбойник», «Алеша Попович и Тугарин», «Илья Муромец и Идолище»), богатырь представляет новые социальные силы, выходящие на историческую авансцену в то время, когда власть князя родовых времен угасает. Власть князя-вождя, основанная на родовых традициях, связана в мифе и былине со змеиным наследием, а в действительности с разобщенностью племен и узкой социальной опорой. Богатырь разрушает старую «змеиную» опору княжеской власти, создавая новую общинную [19, с. 71]». Похожей точки зрения придерживается В. В. Долгов [5, с. 15–23].

К сожалению, современных исследований образа Алеши Поповича мало, и они имеют к нему скорее косвенное отношение. Их анализ требует отдельного рассмотрения, выходящего за рамки объема данной статьи. Основная претензия к подобного рода работам [9, с. 88–104] – «подвешенное состояние», привязка к авторской философской парадигме при отсутствии базы в виде опоры на знание исследований структуры эпоса и в частности, «типических мест», что иногда приводит к неоправданно волюнтаристским трактовкам.

Былинный образ Алеши Поповича, как правило, оценивается негативно, поскольку традиционными богатырскими доблестями герой не обладает: «он силой не силен, только напуском смел». Ему приписываются качества, характерные для восприятия священников: «он поповского роду, задорного, увидит золото – потеряет за невид буйну голову». Он «бабий насмешник», обманщик (Олеша) – обольститель, трикстер. В его образе переплелись черты сразу нескольких людей, живших, по всей видимости, в разное время и разного происхождения. Образ Алеши Поповича, по крайней мере, первоначально, связан с влиянием городской культуры – он не обладает силой, только наглостью (смелостью), он не крестьянин и не боярский или княжеский сын, он относился к категории, которая только еще отвоёвывала себе место в обществе. Как отмечал В. Ф. Миллер, Алеша был сыном попа

Леонтия, т. е. «известного святителя Леонтия, которого мощи, почивающие в ростовском Успенском соборе, были открыты при Андрее Боголюбском в 1164 году. Имя Феодора, носимое в некоторых вариантах отцом Алеши, принадлежит другому ростовскому святому, первому епископу Ростова Феодору, которого мощи лежат в том же соборе» [10, с. 116]. Возможно, В. Ф. Миллер прав, но в Ростове были несколько епископов с именем Феодор, из них, по-видимому, наиболее близок к образу насмешника, разбойника и «хищника» Феодор «Калугер», казненный в 1172 г. Возможно, это один из прообразов Алеши Поповича, т. к. по антуражу былинный герой очень близок к способу и средствам действия данного епископа. Происхождение героя не столь однозначно: если его отцом действительно был (соборный) ростовский поп, то могли быть, как минимум, два периода появления образа, но существует вероятность, что Попович – это вообще топоним, т. к. прозвище могло быть дано по реке/балке Поповка. Его связь с церковью может трактоваться по-разному: номинально он сын попа соборного, т. е. фактически городского, но по факту это могло означать духовное родство, ученичество – у Леонтия Ростовского, например, было много «духовных детей», «отроков ростовских», которых он, по преданию, наставляя в вере, кормил пшеницей, сваренной с медом. Однако не будем обманываться, «дети» и «отроки», о которых шла речь, скорее всего, являлись дружинниками, необходимыми для защиты церкви и священников. Алеша Попович неграмотен, в отличие от своего слуги Екима, не вежлив, в отличие от побратима – Добрыни, не честен, в отличие от Ильи Муромца, он лишь «напуском смел», т. е. дерзок – это его ключевое отличие от остальных эпических героев. Его можно было бы считать классическим «изгоем», т. к. он подпадает под определение устава: «попов сын грамоте на разумеет», но, скорее всего, ситуация гораздо проще и Алеша Попович воспользовался правом отъезда.

Отдельной темой для исследования являются украинские Думы, в которых имеется похожий по стилю герой – Олексий Попович (Пирятинский). Подробно на историографии данной темы останавливаться смысла нет, наиболее детально рассмотрели данный сюжет Н. Ф. Сумцов [17, с. 1–20] и М. М. Плисецкий [12, с. 48]. На первый взгляд, в героическом образе героев Думы и Былин имеется только созвучие и ничего более, однако это далеко не так: судя по всему, эти образы изначально зависимы. Создается впечатление, что образ Алеши Поповича аккуратно и очень умело упаковали в новую обертку. Иногда образ Алеши просвечивает через нее, когда виден интерес к «шинкарке молодой», но этот прежний способ исполнения функции является в сюжете антигероическим. Герой думы фактически побеждает самого себя, на его место можно поставить любого козака. Олексий Попович в украинской думе находится в сюжетных рамках образа Садко, точно так же оказываясь перед нелегким выбором при остановке кораблей на море, но его исповедь и покаяние не вписываются в былинные реалии новгородского или киевского эпоса. При анализе думы хорошо заметно, что прообразом были именно былинны обороты и типические места: в тексте есть отсылки и к эпизоду благословения Ильи Муромца, правда с обратным знаком, поскольку он делает все наоборот: Илья Муромец приносит «паужину» (хлеб-соль для тех, кто работает) на поле, просит благословения у отца и матери, называет старшим братом Святогора.

В сюжете об Олексии Поповиче (Пирятинском) [18, с. 395–398]:

Як я з города Пирятина виїжджав,
То я від отця й від матусі прощєня не прохав! [вар.: не брав]
І отця, й матусі не почитав і не поважав,
А на старшого брата гнів великий покладав,
Сусіду ближню безвинно хлібом і сіллю оставляв;

В эпизоде героической поездки та же ситуация, действия богатыря показаны с обратным знаком:

В сюжете об Олексии Поповиче (Пирятинском) [18]:

Та ще і на свого доброго коня сїдав,
По вулицях проїжджав, Малих дітей топтав,
(вариант: и кровь христианскую на сыру землю проливав)
А старих людей стременами в груди штовхав.
Та іще проти церкви, божого дому, проїжджав,
Шапки з себе не скидав і хреста на себе не покладав;

В сюжете «Илья Муромец и Калин-царь» [6, с. 129–130]
<p>А и будет он, татарин, в Киеве, Среди двора княженецкова Скокал татарин с добра коня, Не вяжет коня, не приказавает, Бежит он во гридню во светлую, А Спасову образу не молится, Владимеру-князю не кланется И в Киеве людей ничем зовет.</p>

Аналогично в эпизоде выбора пути Алеши Поповича один и тот же момент показан «наоборот»:

В сюжете об Олексии Поповиче (Пирятинском) [18]:
<p>Я не питався старих людей – яка в вас у селеніі церква святая, Я питався старих людей – де у вас корчма новая Та шинкарка молодая?</p>
В сюжете об Алеше Поповиче [14, с. 523-527]
<p>«Куды нам вѣдь, братцы, уж как ехать будѣт? Нам ехать, не ехать нам в Суздаль-град? Да в Суздале-граде питья много, Да будѣт добрым молодцам испропитисе – Пройдѣт про нас славушка недобрая. Да ехать, не ехать в Чернигов-град? В Чернигове-граде девки хороши, С хорошими девками спознатца будѣт – Пройдѣт про нас славушка недобрая.»</p>

В эпизоде приветствия стариков повторяется тот же прием: Алексей Пирятинский представлен как антигерой.

В сюжете об Олексии Поповиче (Пирятинском) [18]:
<p>Та іще їхав селами й городами, Чужими сторонами, То старі люди стояли, вони думали та гадали, То, може, вони що й добре проти мене сказали, А я проти їх своєю гордостію та пишністю Противное слово старим людям сказав.</p>
В сюжете о Подсокольнике [14, с. 389–391]
<p>«Уж ты ой еси, мое чадо милое! Ты когда поедешь по чисту полю, Ты увидишь когда старого седатого, Не доедиши старому, с коня ставай, Кланяйся старому понизёшинько, Понизёшинько старому, ниже пояса, Ниже пояса старому, до сырой земли, До сырой земли старому, в ногу правую».</p>

На этом фоне эпизод Думы в котором повествуется о (случайном) убийстве детей выглядит как переосмысление и усиление негативного содержания типического места «богатырского детства». Но если в былинке обычно подразумеваются «дети» боярские, т. е. фактически воинское сословие, то здесь уже наблюдается редукция смысла до детей по возрасту, т. е. «малых детей»:

В сюжете о Василии Буслаеве [16, с. 516-517]
<p>Он на улицу ходил гулять с ребятами, Он шутил тут шуточки немалые: Какого хватит за руку – рука прочь, Он какого хватит за ногу – у такого ногу выстанет.</p>

В сюжете об Олексии Поповиче (Пирятинском) [18]

Та ще і на свого доброго коня сїдав, По вулицях проїжджав, Малих дітей топтав

Во времена создания Думы об Олексии Поповиче (Пирятинском) былины явно еще помнили, т. е. на них ориентировались, возможно, ради большей узнаваемости, т. е. создание произведения можно датировать временем не позднее конца XVI в. Однако антураж и герой явно не сводятся полностью ни к Алеше Поповичу, ни к Садко, ни к Василию Буслаеву, ни к Илье Муромцу – это несомненно самостоятельный цельный образ, построенный на особой ментальности, относящейся к более позднему периоду, чем время создания былин. Некоторые общие черты и приемы, сближающие украинские думы с русскими историческими песнями московского периода, позволяют предполагать участие скоморохов в создании данного сюжета, однако он имеет и ярко выраженные региональные особенности, связанные с совершенно иным восприятием ключевых социальных ценностей.

В сюжете о Подсокольнике [15, с. 354–361]:

«Уж ты Спас, Спас Многомилостив, Пресвята ты Мати Божия Богородица! Как стоял я за веру христианскую, И стоял я за церкви за Божии, И стоял я за чесныя монастыри!».

В сюжете об Олексии Поповиче (Пирятинском) [18]:

«Нехай я буду у Чорному морі сам-один потопати, Щоб козацького війська Запорозького всього не згубляти»

Ментальность думы об Алексее Пирятинском отличается расстановкой акцентов на тех ценностях, которые находятся в центре внимания и под защитой – почитание войска Запорожского, отца и матери, родни, церкви. Мотив наказания за похвальбу почти отсутствует, лишь мельком говорится о его гордости:

«А я проти їх своєю гордостію та пишностію
Противное слово старим людям сказав».

Наказание происходит за пренебрежение родителями и родственниками, молитвами которых спасается герой:

«Не бистрая хвиля наступає,
А це мене отцева та матусина молитва карас.
Коли б мене цяя злая хуртовина і бистрая хвиля
На Чорному морі не втопила,
Щоб отцева та матусина молитва
Мене від смерті боронила,
Тоді б я знав, як отця й матусю почитати й поважати,
Старшого брата за рідного отця щитати,
А рідну сестрицю за матусю в себе мати» [18].

Здесь иная модель общества, чем в среде, породившей былины: войско является государствообразующим элементом, точкой отсчета государственности – это не только своеобразное боевое братство, но и основа социальной структуры: обычно у страны есть армия, здесь же скорее у Войска есть страна, оно первично, а все остальные социальные институты вторичны и необязательны по отношению к нему. Второй по значению ценностью является семья/община, которая рассматривается несколько шире обычного (отец, мать, родня, соседи). На третьем месте в равной степени находятся церковь (божий дом) и шинок (кабак).

В отличие от Алешы Поповича Ростовского, у которого был Еким – грамоте ученый человек, Олексий Попович Пирятинский грамотен. Его отличает и характер героического подвига: покаяние. Понятно, что среди тех козаков, которые описаны в думе как его сотоварищи, было немало грешников:

«Що другі козаки у святу неділеньку у божім домі
 молебні наймали,
 Господа милосердного на поміч прохали,
 А ми тоді в корчмі пили, та гуляли,
 Та музики наймали, та танці справляли.
 Отим-то я, козаки-молодці, більше від вас на собі гріха маю» [18].

Олексій говорить в сюжеті «Мы», но только он, один из всех, кто был тогда с ним в корчме и на кораблях, признался в грехе, раскаялся, за что по сюжету Бог простил всех.

Здесь нужно понимать, чего именно не побоялся герой украинской Думы – остракизма, изгнания с позором, лишения места в самой важной и почетной группе, если вообще не во всей социальной структуре. На это нужна недюжинная смелость, ведь возвращаться, по сути, ему некуда. Подобно области войска Донского, вся общественная и экономическая жизнь Украины как исторического пограничного региона формировалась вокруг Запорожского войска как ключевого государствообразующего элемента. Войско не только защищало страну, оно регулярно грабило чужие территории и получало деньги за свои услуги от Польши по числу козаков (реестр). Поэтому не только независимость, но и экономическое благополучие жителей всей страны зависело от войска. Место в нем определяло социальный статус в государстве. Поэтому наказание героя, заключавшееся в отрубании мизинца, что вообще-то не очень похоже на обычно употреблявшиеся в Сечи казни, по-видимому, связано не столько с пролитием крови в море, как целью обряда замены, а скорее с ритуальным увечьем (мизинец в некоторых вариантах отрезался на левой руке, в которой оружие он мог и не держать), шельмованием, символическим исключением из числа реестровых «товарищей», «лыцарей», своего рода «боевого братства», т. е. обращаться с саблей, как обязательным атрибутом козака, после этого становится мучительно проблематично, что, впрочем, не так критично выглядит в случае именно Олексия Поповича, т. е. он, прежде всего, войсковой писарь (должность приблизительно аналогичная уровню начальника штаба), а не обычный воин. Держать в руках перо и «Святое писание братии читать» отсутствие мизинца помешать никак не могло.

Приходится констатировать, что образ Олексия Поповича (Пирятинского) в основе своей восходит к поздним былинам, но отражает уже совершенно иные исторические условия. С былинным образом Алеши Поповича его объединяет смелость поведения, которая доходит до циничности, близкой к образу Василия Буслаева, однако Олексий Попович показан уже не как выходец из поповского сословия, изгой, а как козак по статусу, пусть и «писарь» по основной функции, а вот роль у него осталась прежняя, наставление в Вере:

«Ти ж, було, Олексію Поповичу, на день тричі святе письмо
 у руки береш, та й читаєш,
 Та й нас, козаків прости, на все добре навчаєш,
 А чого ж ти більше від нас на собі гріха маєш?» [18].

Образ Алеши Поповича русских былин включает в свой состав как определенные обобщенные черты местных (Ростовских) героев, о которых остались предания, так и вполне известных, в том числе, по летописям, личностей, наподобие Александра Поповича, сведения (или анекдоты) и слухи о деятельности которых также влияли на содержание былин. Окончание развития образа Алеши Поповича как Киевского богатыря совпало с началом формирования особой группы населения, придавшей ему новые черты – украинских Козаков. Учитывая многослойность образа данного героя, изучение присущих ему «слоев» возможно на основании анализа характерных атрибутов и соответствующих им «типических мест». В перспективе это позволит реконструировать реалии социальной практики присущей каждому из них и уже с ней сравнивать те или иные события, известные по летописям и другим письменным источникам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксаков К. С. Богатыри Времен Великого князя Владимира по русским песням // Русская беседа, Т. 4. М.: Тип. Александра Семена, 1856. С. 1–67.
2. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 2. М.: Изд. К. Солдатенкова. 1868. 784 с.

3. *Буслаев Ф.И.* Русский богатырский эпос, Русский народный эпос. Воронеж: Центр.-Чернозем, кн. изд-во, 1987. 255 с.
4. Добрыня Никитич и Алеша Попович / изд. подг. Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий; отв. ред. Э. В. Померанцева. М.: Наука, 1974. 448 с.
5. *Долгов В. В.* Русский героический эпос как источник реконструкции элементов сознания народа Древней Руси XI–XIII веков: к вопросу об эпической картине социального быта // Вестник Челябинского гос. ун-та. История. 2008. Вып. 24. № 16 (116). С. 15–23.
6. Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / изд. 2-е, доп. М.: Наука, 1977. 487 с.
7. *Жданов И. Н.* Русский былевой эпос. Исследования и материалы I-V. СПб.: Тип. Л. Ф. Пантелеева, 1895. 631 с.
8. История России с древнейших времен до начала XX в. / под ред. И. Я. Фроянова. СПб.: Макет, 1992. 300 с.
9. *Лихачев Д. С.* Летописные известия об Александре Поповиче // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 7. М.; Л.: АН СССР, 1949. С. 17–51.
10. *Миллер В. Ф.* Очерки русской народной словесности, Т. 2. М.: Тип. тов-ва И. Д. Сытина, 1910. 416 с.
11. *Миронов А. С.* Былина на русском фронтире: деконструкция дохристианского эпического героя в старине «Алеша Попович и Змей Тугарин» // Культура и текст. 2021. № 1 (44). С. 88–104.
12. *Плисецкий М. М.* Українські народні думи: сюжети і образи. Київ: Кобза, 1994. 364 с.
13. *Пузанов В. В. Котляров Д. А.* Памяти учителя: Игорь Яковлевич Фроянов (22.06.1936 – 5.12.2020) // Вестн. Удм. ун-та. Серия История и филология. 2021. Т. 31, вып. 1. С. 169–175.
14. Свод русского фольклора в 25 томах Т. 1. СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. 776 с.
15. Свод русского фольклора в 25 томах Т. 3. СПб.: Наука; М.: Классика, 2003. 531 с.
16. Свод русского фольклора в 25 томах Т. 4. СПб.: Наука; М.: Классика, 2004. 716 с.
17. *Сумцов Н. Ф.* Дума об Алексее Поповиче // Киевская Старина. Т. 44. Киев: тип. Г. Т. Корчак-Новицкого, январь 1894. С. 1–20.
18. Украинские народные думы. М., Наука, 1972. 560 с.
19. *Фроянов И. Я.* Мятёжный Новгород. Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX – начала XIII столетия». СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1992. 280 с.
20. *Халанский М. Г.* Великорусские былины Киевского цикла. Варшава: Тип. М. Земкевича, 1885. 236 с.

Поступила в редакцию 23.05.2022

Козловский Степан Викторович, кандидат исторических наук,
доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный аграрный университет»
426069, Россия, г. Ижевск, ул. Студенческая 11
E-mail: svk7878@mail.ru

S.V. Kozlovsky

ALYOSHA POPOVICH AND HIS TIME:

HISTORIOGRAPHY AND PROSPECTS OF STUDYING THE IMAGE OF THE EPIC HERO

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-1-99-106

Epic stories with the participation of Alyosha Popovich are among the most common in the Russian epic, along with stories about Dobrynya and Ilya Muromets. The historiography of studying the image of Alyosha Popovich revealed multilayering. Under the same name in the heroic epic, several persons with different roles performed: "deceiver", "seducer", "hero". In addition to the epics, there are mentions of this hero or his supposed prototypes in the annals, which makes us treat epic materials with his participation as an important additional source on the social practice of the corresponding period. In the Ukrainian dumy there is a character with a similar name, whose connection with the epics is not quite obvious. However, the question remains how to separate them so as not to mix different social practices. This article is devoted to the prospects of solving this issue.

Keywords: Ancient Rus, epics, dumy, historiography, social practice.

REFERENCES

1. *Aksakov K. S.* Bogatyri Vremen Velikogo knyazya Vladimira po russkim pesnyam. [Bogatyrs of the Times of the Grand Duke Vladimir on Russian songs]. Russkaya beseda [Russian conversation], vol. 4. Moscow, Printing house of Alexander Semyon, 1856, pp. 1–67. (In Russian).

2. *Afanas'ev A. N.* Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu [Poetic views of the Slavs on nature], vol. 2. Moscow, Printing house of K. Soldatenkoff, 1868, 784 p. (In Russian).
3. *Buslaev F. I.* Russkij bogatyrskij epos, Russkij narodnyj epos [Russian heroic epic, Russian folk epic]. Voronezh, Center.-Chernozem Publ., 1987, 255 p. (In Russian).
4. *Dobrynya Nikitich i Alesha Popovich.* [Dobrynya Nikitich and Alyosha Popovich]. Moscow, "Nauka" Publ, 1974, 448 p. (In Russian).
5. *Dolgov V. V.* Russkij geroicheskiy epos kak istochnik rekonstrukcii elementov soznaniya naroda Drevnej Rusi XI–XIII vekov: k voprosu ob epicheskoj kartine social'nogo byta [Russian heroic epic as a source of reconstruction of elements of consciousness of the people of Ancient Russia of the XI–XIII centuries: on the question of the epic picture of social life]. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Chelyabinsk State University]. History, 2008, no.16 (116), pp. 15–23. (In Russian).
6. *Drevnie Rossijskie stihotvoreniya, sobrannye Kirshyem Danilovym* [Ancient Russian Poems Collected by Kirshey Danilov]. Moscow, "Nauka" Publ., 1977, 488 p. (In Russian).
7. *Zhdanov I. N.* Russkij bylevoj epos. Issledovaniya i materialy I–V [Russian epic of the Past. Research and materials I–V.]. St. Petersburg, Printing house of Panteleev, 1895, 631 p. (In Russian).
8. *Istoriya Rossii s drevnejshih vremen do nachala XX v.*, ed. by I. Ya. Froyanova [The history of Russia from ancient times to the beginning of the XX century]. St. Petersburg, "Maket" Publ., 1992, 300 p. (In Russian).
9. *Lihachev D. S.* Letopisnye izvestiya ob Aleksandre Popoviche [Chronicle news about Alexander Popovich]. Trudy otdela drevnerusskoj literatury [Proceedings of the Department of Old Russian Literature], vol. VII. Moscow: Leningrad, Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1949, pp. 17–51. (In Russian).
10. *Miller V. F.* Oчерki russkoj narodnoj slovesnosti [Essays of Russian Folk Literature], vol. 2. Moscow, Printing house of I. D. Sytin, 1910, 416 p. (In Russian).
11. *Mironov A. S.* Bylina na russkom frontire: dekonstrukciya dohristianskogo epicheskogo geroya v starine «Alesha Popovich i Zmej Tugarin» [Bylina on the Russian frontier: deconstruction of the pre-Christian epic hero in the old Days "Alyosha Popovich and the Serpent Tugarin"]. Kul'tura i tekst [Culture and text], no. 1 (44), 2021, pp. 88–104. (In Russian).
12. *Pliseckij M. M.* Ukraїns'ki narodni dumi: syuzheti i obrazi. [Plisetsky M. M. Ukraїnski narodni dumi: plots and images] Kyev: "Kobza" Publ., 1994, 364 p. (In Ukrainian).
13. *Puzanov V. V. Kotlyarov D. A.* Pamyati uchitelya: Igor' Yakovlevich Froyanov (22.06.1936–5.12.2022). [In memory of the teacher: Igor Yakovlevich Froyanov (22.06.1936–5.12.2020)]. Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya [Bulletin of the Udmurt University. History and Philology series], 2021, vol. 31, no. 1, pp. 169–175. (In Russian).
14. *Svod russkogo fol'klora v 25 tomah* [The Code of Russian Folklore in 25 volumes]. St. Petersburg, "Nauka" Publ.; Moscow, "Klassika" Publ., 2001, vol. 1, 776 p. (In Russian).
15. *Svod russkogo fol'klora v 25 tomah* [The Code of Russian Folklore in 25 volumes], vol. 3. St. Petersburg: "Nauka" Publ.; Moscow: "Classics" Publ., 2003, 531 p. (In Russian).
16. *Svod russkogo fol'klora v 25 tomah* [The Code of Russian Folklore in 25 volumes], vol. 4. St. Petersburg: "Nauka" Publ.; Moscow, "Klassika" Publ., 2004, 716 p. (In Russian).
17. *Sumcov N. F.* Duma ob Aleksee Popoviche [Duma about Alexey Popovich]. Kievskaya Starina [Kievan antiquity], vol. XLIV, January 1894, Kyev, G.T. Korchak-Novitsky Publ. (In Russian).
18. *Ukraїnskie narodnye dumy* [Ukrainian People's Duma]. Moscow, Nauka Publ., 1972, 560 p. (In Ukrainian).
19. *Froyanov I. Ya.* Myatezhnyj Novgorod. Oчерki istorii gosudarstvennosti, social'noj i politicheskoj bor'by konca IX – nachala XIII stoletiya. [Rebellious Novgorod. Essays on the history of statehood, social and political struggle of the late IX – early XIII century] St. Petersburg, Izdatel'stvo S.-Peterburgskogo universiteta Publ; 1992, 280 p. (In Russian).
20. *Halanskij M. G.* Velikorusskie byliny Kievskogo cikla [Great Russian epics of the Kiev cycle]. Varshava, Printing house of M. Zemkevich, 1885, 236 p. (In Russian).

Received 23.05.2022

Kozlovsky S.V., Candidate of History, Associate Professor at Department of Humanities
Udmurt State Agricultural University
Studencheskaya st., 11, Izhevsk, Russia, 426069
E-mail: svk7878@mail.ru